

INSPIRIA

Вон Чангён

НЯНЯ

18+

ИЗ ЧЕРНОГО

ДОМА

INSPIRIA

Вон Чангён

Няня из черного дома

Серия «Ток. Азиатская головоломка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74003587

Вон Чангён «Няня из черного дома»: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247808-6

Аннотация

Национальный бестселлер Кореи.

Психологический триллер в жёстком стиле Ли Тонгона, автора бестселлера «Цветы смерти».

У этой крайне необычной и пугающей истории целых три одинаково убедительных финала – и вам выбирать, какой из них истинный...

Всего два дня работы. Очень щедрое вознаграждение. И одно странное условие: не подходить к ребенку – только наблюдать издалека...

Сирота Ин Чухэ соглашается стать няней восьмилетнего Хёгу в роскошном доме, похожем на черную крепость. Хозяйева безупречно вежливы, требования – до смешного просты. И вот Чухэ уже знакомится с Хёгу. Она сразу понимает, что здесь что-то не так. Перед ней явно не обычный мальчик, хотя родители изо всех сил пытаются это скрыть. Слишком умный, слишком самоуверенный, слишком самостоятельный, слишком жестокий.

Но самое худшее ждет ее впереди – вскоре девушка обнаружит, что дом, в который она попала, вовсе не только место для жилья...

Роман переведен с корейского

Содержание

Пролог	6
Часть I. «Присмотрите за нашим сыном»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вон Чангён

Няня из черного дома

Won Jang Kyoung

BABYSITTER

Copyright © Won Jang Kyoung 2025.

Original Korean edition published by Sam & Parkers Co., Ltd.

Russian translation rights arranged with Sam & Parkers Co., Ltd. through EYA (Eric Yang Agency).

© Приймак Н., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Тук, тук, тук.

По округе разносился звук, с которым нечто острое вспарывает землю. По звуку было не определить, что это за место: кладбище или детская площадка. Стоял безветренный весенний денек, в беззаботных солнечных лучах усердно трудилась маленькая тень. Лето еще не наступило, но земля уже успела достаточно прогреться на солнце, чтобы обдавать жаром. Лучи плясали на острие лопатки, будто нарочно подчеркивали ее новизну. Пока та, в свою очередь, была поглощена работой в саду без единого цветка.

Лопатка зарывалась в грунт и с шумом разгребала его. Ни ветра, ни дождя – лишь запах почвы и звук удара инструментом по земле, сопровождаемый дыханием. Скрюченная рука, крепко вцепившаяся в лопатку, вся вымазалась в бурой земле, налипшей на пот и кожный жир, словно кровь. Ребенок ковырял землю с рвением расхитителя гробниц. Груда сухой земли вперемешку с влажной продолжала расти. Время от времени она осыпалась, но малыш не обращал на это внимания и молча продолжал трудиться, пока солнце светило ему в спину. Лицо его было невозмутимым, на подбородке собрались капельки пота.

Наконец малыш вытащил наружу дождевого червя. Он безразлично взял его и бросил к своим ногам. Червь изви-

вался, всем своим тельцем сообщая, насколько сильно ему неприятен солнечный свет. Разбросанные по земле кусочки печенья липли к дрожащему беспозвоночному, образуя единую массу.

Ребенок немного понаблюдал за червяком, а затем без колебаний обрушил на него лопатку. Тот вмиг разделился надвое. Малыш продолжал наносить удары совком с холодным взглядом хирурга во время операции. Свежая земля и останки червя липли к земляной корочке на его руках. А солнце все так же беспечно освещало его затылок.

Как только новоиспеченная жертва была подготовлена к употреблению, цыпленок подошел ближе, дергая головкой.

– Вот, значит, как тебя можно приманить, – тихо пробормотал мальчик, глядя на него.

Птенец как ни в чем не бывало стал клевать мелко разделанного червя. Ребенок гладил желтый пушистый комочек, внимательно наблюдая за тем, как это маленькое живое существо с жадностью поглощает еду. Цыпленок был сосредоточен на пище, не испытывая страха к детским рукам, что ее дали. Лишь двигал вперед-назад своей крохотной желтой головкой.

Пальцы мальчика медленно опустились на шею птенца. До сих пор лицо его оставалось абсолютно бесстрастным – теперь же уголки губ дернулись.

Солнце светило все так же ярко.

Часть I. «Присмотрите за нашим сыном»

– Можете присмотреть за нашим сыном?

Когда я впервые услышала это, внезапно все звуки и предметы вокруг исчезли, словно меня выбросили в открытый космос. Только бешеный стук сердца гулко отдавался в ушах и белый свет бледно мерцал где-то вдалеке.

* * *

Когда я впервые оказалась в нашей районной церкви, больше всего меня поразило то, что там раздавали еду. Раньше я считала, что это место лишь дарует успокоение душе, но, как оказалось, оно настолько пышет милосердием, что позволяет утолить даже голод. И все же в первый раз мне не хватило ни смелости, ни стыда, чтобы с охотой принять это милосердие. Понадобилось довольно много времени, чтобы я начала там питаться.

Когда ты голоден, разнообразность блюд и их вкус теряют всякий смысл. Один только рис с закусками уже был для меня божьей благодатью. Иногда давали лапшу или рисовые пирожки, и мне было немного обидно, но вовсе не из-за того, что меню мне было не по душе. Просто живот набивался

слишком быстро. Забрать остатки еды я себе позволить не могла, вместо этого лишь клялась.

«Я обязательно вам отплачу».

И, принеся клятву, съедала все подчистую. Для меня это было сродни шведскому столу.

А в один из таких дней накрыли настоящий шведский стол.

В центре вестибюля сверкала расставленная в ряд посуда. Поначалу я даже не поняла, что это такое. Когда-то в детстве я бывала на таком мероприятии вместе с родителями, но воспоминания эти столь давние, что казались сном. Глядя на те сияющие тарелки, я подумала: это место наполнено светом. Не в этом ли сиянии Божья милость?

Одновременно с этим в моей голове носились совершенно другие мысли. Меня волновало не то, что из этого всего вкуснее, а что нужно урвать, чтобы наестся и продержаться без еды как можно дольше, хотя бы дня два. Мое лицо, отразившееся в этих гладких тарелках со шведского стола, выглядело крайне серьезным.

В отдалении пастор беседовал с женатой парой, которую представил накануне во время службы. Тогда он точно назвал их «благодетелями, дарующими свет нашей церкви», но я, разумеется, не особо вслушивалась. Даже то, что шведский стол подготовили именно они, мне стало известно спустя время. В тот момент меня волновало только одно – необходимость во что бы то ни стало разобраться с проблемой

пропитания на день.

Внезапно три пары глаз – пастора и супругов – одновременно уставились на меня. Я тут же напрягла лицо в страхе, что на нем отразится хоть одна эмоция. У меня даже уголки губ задергались. Я так и стояла, застыв на месте, когда заметила улыбку на лице женщины. Мои глаза забегали из стороны в сторону, затем я вежливо кивнула и тут же отвернулась. Я все так же ощущала на себе их взгляд, но упорно делала вид, что не замечаю.

Я села за стол, набрав целых две тарелки различных мясных блюд – потому что мясо медленно переваривается, – и только тогда ощутила, что все мои текущие переживания развеялись. Правду говорят: живот крепче – на сердце легче.

Стоило мне с энтузиазмом направить кусочек вареной свинины себе в рот, как вдруг передо мной выросли три тени. Супруги подошли ко мне в компании пастора и теперь разглядывали меня с большим любопытством. Пастор представил их, и я судорожно склонила голову в знак приветствия. Так или иначе, наша первая встреча ничем не отличалась от других.

Тогда я впервые вблизи рассмотрела мужа – Со Помсу: хоть он и казался одного роста с женой или даже чуть ниже, чем она, это никак не умаляло его достоинства благодаря твердости и надежности во взгляде. Внешность его вписывалась в стандарты мужской красоты: густые прямые бро-

ви, под стать им большие глаза с четким двойным веком¹, круглая, как яйцо, аккуратная линия подбородка и тонкие длинные губы, стройный симметричный нос. При этом красота мужчины смешивалась с красотой юношеской, которая придавала ему страсти, отчего Со Помсу производил впечатление человека целеустремленного, обладающего изрядным упорством.

У его жены Чин Игён были тонкие брови домиком и узкие глаза; когда она улыбалась, ее в достаточной мере пухлые щеки приподнимались, нос морщился и появлялись натуральные ямочки, что очень ей шло. У нее были густые, но при этом мягкие выющиеся волосы до плеч, ровная бронзовая кожа, пухлые подвижные губы, угловатый, как у иностранки, подбородок, придававший ей экзотичности, которая странным образом отлично гармонировала с восточными чертами, что проявлялись в приподнятых уголках губ и сощуренных глазах, когда она улыбалась. Ровные зубы, проглядывающие сквозь широко раскрытый рот, также свидетельствовали о ее тщательном уходе за собой. Вдобавок ко всему она выглядела дорого и роскошно благодаря достаточно свободным джинсам и тренчу. Иными словами, она показала мне человеком недоступным.

Они не то чтобы отлично дополняли друг друга – скорее каждый из них был по-своему привлекателен. К тому же они

¹ В Южной Корее крайне популярна операция по изменению разреза глаз, после которой возникает эффект двойного века. – *Прим. ред.*

сильно выделялись из толпы, и не только из-за одежды: все дело в выразительном взгляде, который просто невозможно описать словами.

Уловив уникальную, необъяснимую ауру, я долгое время тупо глядела на них. Женщина заговорила первой:

– Еда пришлась вам по вкусу?

А я ведь даже ничего толком не попробовала. Ее поставленный голос, какой можно услышать в сериалах, заставил меня невольно съежиться и оторопеть. Палочки для еды уже давно покоились на столе.

Пастор между тем перешел от красноречивой похвалы в сторону супругов, которых величал «директором» и «госпожой», к похвале в мою сторону. Если вкратце, он поведал, что, хоть я и потеряла обоих родителей, все же не растеряла своей стойкости, выросла достойным человеком и даже поступила в лучший в Корее университет, каждую неделю прихожу в церковь и проявляю себя как верная прихожанка, за что получаю особое внимание от старейшин, а потому являюсь идеальным кандидатом на получение финансовой помощи. И ему стоило только одного взгляда, чтобы понять, что супруги как нельзя лучше подходят на роль спонсоров.

Слово «спонсоры» ненадолго выбило меня из колеи. Уж не знаю, что я такого сделала или что особенного увидел во мне пастор, чтобы говорить обо мне подобным образом, и все же наравне с благодарностью я почувствовала укол совести за то, что в приходской книге – или как она там называ-

ется – написала о себе чересчур откровенно.

Ситуация, как ни крути, постыдная; тем не менее пастор все продолжал и продолжал меня нахваливать, а мне, напротив, было так стыдно, что хотелось сбежать. Однако я не могла просто взять и уйти, оставив здесь всю эту еду. Поэтому я сидела с закрытым ртом, не притрагиваясь к палочкам, лишь то и дело бросая взгляд на блюда перед собой.

Госпожа скосила глаза на мои тарелки и широко улыбнулась. На губах ее отразилась особая беззаботность.

– Полагаю, вы очень любите мясо?

Эти слова привлекли внимание пастора и директора к моим тарелкам. В тот момент – честно – я чуть не сбежала. Но потом решила, что не могу бросить еду просто так.

– Боже, да вы у нас заядлый мясоед, – с легкой улыбкой и теплотой в голосе пошутил Со Помсу.

Голос у него был неглубокий, но низкий, отчего звучал мягко и спокойно. Поэтому издевки или насмешки в его словах не чувствовались, скорее наоборот, от него исходило дружелюбие – про такой голос обычно говорят, что он успокаивает детей.

Я долго не знала, что сказать, но в итоге выдавила:

– Мясо медленно переваривается, поэтому меньше хочется есть...

То, что я сокращаю траты на еду, я решила оставить при себе. Снова вместо пищи пришлось глотать слова.

– Верно, голод – штука ужасная, – кивнул директор Со.

– Конечно, еду нельзя воспринимать как должное.

Между супругами царило полное взаимопонимание. Беседа резко сменила направление, и зашла речь о том, как было бы здорово, существуй на свете таблетка, содержащая все необходимые питательные вещества, и что уже сейчас разрабатываются похожие продукты.

Внезапно, будто острым ножом разрубив пространство, раздалось мощное вступление «Кампанеллы»² в исполнении скрипки. Звонил телефон госпожи. Едва знакомая мелодия перехватила мое внимание, женщина поставила телефон на беззвучный режим, а затем так же невозмутимо перевела взгляд обратно на меня.

– Мы окажем вам финансовую поддержку, но не безвозмездно. Вам нужно будет кое с чем нам помочь.

Никогда бы не подумала, что словосочетание «финансовая поддержка» может прозвучать столь легко, как уже подтвержденный факт. Сегодня я пришла в церковь лишь затем, чтобы поесть, и при всей заинтересованности меня не покидало чувство беспокойства и опасения.

– Задача довольно простая.

Я никак не ответила, лишь вопросительно уставилась на госпожу. А она тем временем продолжила разговор с беззаботной улыбкой:

² «Кампанелла» (ит. «La campanella») – один из этюдов по Паганини венгро-немецкого композитора Ференца Листа, написанный в 1851 году. – *Здесь и далее, кроме особо обозначенных случаев, – прим. пер.*

– Можете присмотреть за нашим сыном?

Стоило ей произнести эти слова, и мой разум вмиг потух, будто кто-то вырубил электричество. Будто кто-то нажал на спусковой крючок, припрятанный где-то глубоко-глубоко внутри, и все, что я с таким усилием пыталась забыть – нет, то, что, как я думала, у меня получилось забыть, – разом накрыло меня, как цунами.

Смех, похожий на шум весеннего ветра в тростниковых зарослях, бирюзовые глаза, по цвету напоминающие близлежащее озеро в летнюю пору, отливающие золотом волосы, что сияли ярче осенних колосьев тростника, и маленький мальчик по имени Лиам. Я старалась подавить поток воображения. Но воспоминания приходили одно за другим вопреки моим усилиям. Как маленькая фигурка рванула вперед меня, как бледное тело рухнуло навзничь поодаль.

Я думала, что все само собой наладилось. Верила, что за прошедшие два года все эти бесконечные выкрики, пинки и взмахи кулаками в пустоту сделали меня сильнее. Была уверена, что смогу прожить этот дарованный мне вполне длинный отрезок времени наравне с другими людьми. Что смогла преодолеть случившееся и телом, и душой. Однако теперь я осознала, что все это был лишь неглубокий транс, в который я сама себя ввела. Пусть моя физическая оболочка окрепла, но в душе меня все так же пробивала дрожь.

Я потрясла головой, чтобы прогнать образ Лиамы из головы. Крепко зажмурившись, я снова открыла глаза, но зрение

так и не прояснилось. По позвоночнику струился пот. Голову ошпарило, ребра бросило сначала в холод, затем в жар, веки и макушку защипало. Я определенно была с открытыми глазами, но казалось, будто они закрыты.

Когда я пришла в себя, все трое взирали на меня с испугом. Пальцами я теребила молнию на худи, то расстегивая, то вновь застегивая ее. Следовало бы как-то объясниться, но нужных слов не находилось. В конце концов единственное, на что я оказалась способна, – это тихонечко поклониться, схватить сумку и уйти. Потом у меня еще долго не получалось выбросить из головы еду, что так и осталась на тарелках.

Мне бы хотелось воспринимать это не как побег. Просто сейчас в моих силах лишь идти по заданному пути. Просто я не могла принять их предложение. Просто я не из тех, кому можно поручить своего ребенка. Просто мне не положена финансовая поддержка. Верно, все дело лишь в этом.

Я брела вперед, крепко прижимая к себе рюкзак. Даже не стала натягивать его на плечи, только глядела прямо перед собой и переставляла ноги. Вдруг со мной поравнялась дорогушная на вид черная машина. Стекло со стороны водителя медленно опустилось.

Директор Со высунул голову из окна.

– Ох, мы, должно быть, слишком скоро перешли к делу, – сказал он.

Мужчина улыбался, но у меня не хватило смелости взглянуть ему в глаза.

В итоге я опустила глаза в пол и ответила:

– Вы наверняка были удивлены, просто...

Не останавливаясь, не сбавляя скорости, не ускоряя шаг, глядя только прямо перед собой, я еле выжала из себя остаток фразы:

– Я не смогу. Извините.

Мне хотелось добавить, что проблема не в них, но слова застряли в горле. Я все так же не отрывала глаз от земли, шла вперед, то открывая, то закрывая рот, затем вздохнула.

Вдруг послышалось, как открылась дверь авто. Затем последовала череда взволнованных причитаний директора Со: «Ох, дорогая, ты чего, аккуратнее!» В испуге я обернулась: госпожа норвила вылезти из движущейся машины. Водитель резко затормозил, после чего женщина обогнула машину и встала передо мной.

– Потому-то мы и встретились. – Она легонько сжала мои плечи и, вскинув глаза к небу, произнесла: – Он связал нас. Дал еще один шанс.

Взгляд ее, направленный на меня, был пронзительным настолько, что буквально впивался мне в мозг. Я не могла ни поддержать зрительный контакт, ни уклониться от него. В попытке избавиться от страха в собственных глазах я усиленно заморгала, изо всех сил сосредоточившись на дыхании.

– На то он и Господь. Постоянно нам что-то подает.

Со Помсу тоже вышел из машины и поддержал мысль жены, стоя на полшага позади нее. Их реплики естественным

образом дополняли друг друга. Настолько не разлей вода они были. Не знаю почему, но мне показалось, будто все это игра по хорошо прописанному сценарию.

Госпожа дала мне немного времени, чтобы я вышла из оцепенения, а затем заговорила снова:

– Он дарует нам возможность продержаться, силу преодолеть все трудности.

– Вне зависимости от того, что именно произошло, – вновь закончил мысль жены директор Со.

Наконец взгляд женщины уловил мой. Я почувствовала, как он будоражит мой мозг и проникает в самую его глубь.

Мне стало нечем дышать. Как бы я ни пыталась вдохнуть, кислород внутрь не поступал.

Кхе... кхе... Я продолжала стоять на месте и задыхаться. Госпожа спешно вцепилась в меня и потрясла. Она несколько раз спросила, в порядке ли я, но у меня не получалось произнести ни слова. Дыхание никак не поддавалось контролю. Тем временем к нам подбежал директор Со. Предлагая сесть в их машину и поехать в больницу, он открыл дверцу и уже собирался затолкать меня внутрь, как вдруг горло наконец раскрылось, и я смогла сделать глубокий вдох. Супруги при этом вздохнули еще глубже, чем я.

Госпожа внимательно посмотрела на меня и сказала:

– С вами, видно, приключилось что-то.

Взгляд ее оставался неизменен. Эти глаза будто бы уже знали обо мне все, дырявили меня насквозь.

– У Него наверняка была особая причина свести нас, как вам кажется? Нечто запредельное, то, что невозможно передать словами.

– А это как раз наш профиль, – подхватил директор Со, – ну, преодоление, освобождение, трансцендентность³ и все такое.

Долгое время я стояла неподвижно. Супруги, казалось, пытались считать мою реакцию. Я переводила взгляд с одного на другого и будто бы забыла о том, что нужно еще что-то сказать.

– «Кампанелла», она мне нравится, – вырвалось у меня вдруг.

Замешательство на лицах супругов стало еще более отчетливым, чем до этого.

– Я про... ваш звонок на телефоне.

Госпожа изучала мое по-прежнему растерянное лицо и внезапно расплылась в улыбке.

– Раз так... Вы же к нам придете?

* * *

И вот уже на следующий день я решила отправиться в их дом. В раздумьях я пришла к выводу, что выкинуть эту ситуацию из головы не выйдет, к тому же мне будто бы даровали

³ *Трансцендентное* – непостижимое разумом; в данном случае это касается, разумеется, божественного промысла. – *Прим. ред.*

еще один шанс, и я все сильнее понимала: надо ковать железо, пока оно горячо. Когда же я сообщила о своем решении прийти на следующий день, супруги ужасно удивились.

Ранним утром я села в огромное черное такси, которое они вызвали, и доехала до дома: то, что предстало перед моими глазами, правда, назвать домом язык не поворачивался. Здание было настолько огромным, что его нельзя было охватить одним взглядом, и больше напоминало не обычный жилой дом, а самую настоящую цитадель. Мне сказали, в их семье всего трое человек, но этот дом указывал на нечто большее, чем одна семья.

Черный как уголь высокий забор казался в три раза выше меня. Совсем как скала. Нерушимая, без единого изъяна, если не считать следов, оставленных временем и непогодой. Непрístupная. Считай, в самом центре города сотворили черный искусственный остров. Дом сильно выделялся еще и за счет того, что вокруг больше никаких зданий не было. Вид его совершенно не совпадал с моими представлениями об этом городе.

Я обошла стену вокруг, по привычке сжимая в руках лямки рюкзака. В незнакомых и непонятных ситуациях стоило только вцепиться в этот рюкзак, как на душе становилось чуть легче. Из-за этого его цвет слоновой кости со временем стал превращаться в охристый.

С расстояния пяти метров за стеной виднелась серая верхушка одинокого хвойного дерева, а рядом – еще более вы-

сокое здание. Оно напоминало дом, но при этом было даже чернее забора. Интересно, чем таким их красили, что цвет даже не выгорел на солнце? Хотя, может, это и не краска вообще, а материал от природы такой?

Выйдя из такси, я на долгое время залипла, с открытым ртом рассматривая округу. Первым делом нужно отыскать вход. К счастью, стояла весна. Зимой, при температуре ниже нуля, я наверняка так и осталась бы стоять, как и сейчас, не сумев отыскать ворота. Настолько пугающее впечатление на человека производил этот дом. На мне были джинсы, белая водолазка и такое же белое худи на молнии, отчего на фоне этого дома я выглядела легкой, как пушинка.

Я не сразу вспомнила, что скоро начнется лето, ведь со стороны дом даже признаков весны никаких не подавал. Да и зимней атмосферы от него не исходило: скорее чувствовалось, что он существует вне времен года. Все было тусклым и бесцветным, даже единственное хвойное дерево, едва возвышающееся над стеной. Пусть и дерево, но все равно бесцветное.

Тут внезапно что-то с жужжанием ударилось или упало. Я почувствовала едва заметную вибрацию. Определив, откуда шел звук, я обнаружила, что главные ворота теперь открыты. Внутри никого не было; должно быть, эти новомодные ворота открывались удаленно.

Внутри забор не выглядел столь же черным, как снаружи. От ворот вверх по склону зигзагами тянулась узкая тем-

но-серая лестница.

Когда я начала подниматься наверх, ворота позади меня все с тем же жужжанием закрылись. Наверху слева к лестнице примыкал низкий узкий проход, который вел к чему-то напоминающему полуподвальное хранилище. Справа же раскинулся сад. Он сильно отличался от традиционных представлений о саде. В левой его части располагался кусок необработанной земли, где могли бы встать целых две машины, там же, возвышаясь примерно на тридцать сантиметров от земли, виднелось окно того самого полуподвального помещения. В центре сада находилась площадка размером с десять парковочных мест такого же серого цвета, что и лестница на входе. Несмотря на глубину пространства, дерево росло здесь всего одно – в углу справа, и это было то самое бесцветное хвойное дерево, которое я заприметила еще снаружи.

Вот, наконец, сам дом. Огромное четырехугольное здание того же угольно-черного цвета, что и забор, представляло собой практически одну сплошную стену, за исключением главного входа и одного большого, сильно тонированного окна на этаже повыше. Ни дизайна, ни орнамента, ни изгибов, сплошная утилитарность, выражавшаяся в его фантастической угловатости.

Во время осмотра забора с внутренней стороны слабый весенний ветерок принес к моим ногам мягко трепещущий кусок позолоченной бумаги. Это была упаковка от канадско-

го печенья, которое крайне трудно достать в Корее. Что-то вдруг всплыло в голове, но тут же улетучилось, едва я потрясла ею. Настолько сильно потрясла, что даже почувствовала легкое головокружение. А позолоченная обертка тем временем уже оказалась у меня в руках.

В углу участка необработанной земли копошился ребенок. Глядя на него, я непроизвольно вспомнила о Лиаме. Ноги мои будто приросли к месту. Я снова помотала головой, посильнее напрягла глаза и намеренно отдышалась. Теперь уже не отвертись. Я сделала свой выбор и оказалась здесь. Ноги все еще не слушались, но дыхание удалось взять под контроль.

Крохотными ручками малыш похлопывал по небольшому могильному холмику. Что-то токсичное чувствовалось в этих повторяющихся действиях маленького существа. Я долгое время наблюдала за ним. Образ Лиамы то и дело наслаивался на реальность, поэтому пришлось вновь потрясти головой, чтобы сосредоточить все свое внимание на ребенке перед собой.

Между мальчиком и могилкой, точь-в-точь как надгробие, глубоко в землю был воткнут совок. Руки, похлопывающие по постепенно растущей земляной горке, двигались с необычайной ловкостью. Мне стоило что-нибудь сказать, но, вопреки желанию, тело и сердце были к этому не готовы. Я сделала глубокий вдох – один раз, второй, третий – и только

тогда смогла сдвинуться с места. За два года я стала той, кому гораздо проще ногами грушу бить, чем заставить их двигаться к ребенку.

Я осторожно подошла к мальчику и встала у него за спиной. Он был все так же поглощен своей работой. Я произнесла то, что несколько раз проговорила про себя в такси:

– Ты ведь Хёгу? Меня зовут Чухэ. Ин Чухэ.

Я забеспокоилась, не прозвучали ли эти слова слишком механически, как вдруг мальчик, не отвлекаясь от дела, произнес:

– Птенец умер.

Конечно, что может быть для ребенка важнее? Вполне понятно, почему он даже не взглянул на меня. Пока я раздумывала, что мне стоит ему ответить, между нами повисла тишина. Мне понадобилась недюжинная смелость, чтобы опуститься на колени рядом с Хёгу.

– И ты его хоронишь? Какой ты добрый.

Тут мальчик нахмурился и резко вскинул глаза. Едва заметная монобровь выгнулась домиком, а зрачки, похожие на камни для игры в го⁴, свирепо уставились на меня, отчего он стал похож на хищного зверя, например детеныша гиены.

На какое-то время я застыла под его взглядом. Что скрывается за ним, узнать невозможно. Я не могла вымолвить ни слова, зато мальчик едва слышно пробормотал:

⁴ Стратегическая настольная игра древнекитайского происхождения, в которой игроки с помощью фишек (камней) захватывают территории. – *Прим. ред.*

– Добрый?

Едва его холодный взгляд коснулся меня, мне вспомнился уже не Лиам, а совершенно другой человек. Я в очередной раз потрясла головой, изо всех сил стараясь избавиться от этого образа.

Мальчик снова опустил голову и продолжил:

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Он выговорил эти шесть слов низким тоном, быстро и четко, без единой запинки, на одном дыхании. Его циничное выражение лица и холодный тон никак не соответствовали возрасту.

Я выпрямилась, усиленно скрывая свое замешательство.

– Я уже все знаю. Я буду за тобой присматривать. До завтрашнего дня.

Не успела я договорить, как мальчик прыснул:

– Все знаешь? Да что ты вообще можешь знать?

От его острого взгляда я опять лишилась дара речи и только без конца облизывала пересохшие губы. Хёгу пристально посмотрел на меня, а после как ни в чем не бывало продолжил заниматься своими делами. Навалившись всем телом, он надавил на могилку, затем бросил туда кучку земли и снова придавил ее руками.

Я обреченно опустила голову: неужели с детьми всегда так сложно? И тут позолоченная обертка в моих руках сверкнула на солнце, словно поддерживая меня.

Я тихонько протянула бумажку Хёгу, хотя он даже не

смотрел в мою сторону.

– Они вкусные, да?.. Мне тоже очень нравятся такие сладости, особенно это печенье.

Мальчик пристально взглянул на меня. На мгновение я даже обрадовалась такой реакции. И подумала, что мы наконец-то начали приближаться к некоему консенсусу, но Хёгу посмотрел на меня еще немного и снова склонил голову вниз.

– Я такое не ем. Это для птенца, – ответил он все тем же низким тоном, со слишком четким для ребенка произношением и высокой скоростью. Это дорогое угощение, что стало частью наших с Лиамом воспоминаний, для мальчика передо мной было всего лишь птичьим кормом. – Но он умер.

До меня внезапно дошло, что Хёгу заикнулся на птенце. Шок, смешанный со стыдом, обрушился на меня, как камень на голову. Вот как. Эта могилка настолько ему важна. Маленький ребенок придает столь большое значение погребению птенца – видно, как сильно он был ему дорог. И этот малыш только что опустил в могилу еще более маленькое и ценное для него существо. А я тем временем думала лишь о том, как бы мне поскорее с ним сблизиться, игнорируя его чувства и напирая на него, как бульдозер. Если бы я только осознала значение всех этих действий! Мне нужно было дать ему время, а самой стоило сначала выразить сочувствие. Холодность мальчика вполне могла оказаться естественной реакцией.

Мне показалось, что я обязана его утешить, поэтому перебрала в голове подходящие для этого слова и наконец нашла их:

– А как звали твоего птенчика?

– ...

– Может, помолимся? Попросим, чтобы он попал в рай.

Тут Хёгу перестал утрамбовывать могилку и медленно повернул голову. Обычно в такие моменты дети еле сдерживают слезы, поэтому я уже морально приготовилась, хотя все равно сильно нервничала.

– Рай??? – На этих словах бровь его снова выгнулась домиком, и он выплюнул, глядя на меня: – Что за хрень ты несешь?

От столь непредсказуемой реакции и твердого тона я вновь застыла на месте.

Мальчик между тем указал на могилку пальцем, будто перерезав ее перпендикулярно:

– Что за хрень, я спрашиваю? Птенец сейчас там, внутри. Ты что, дурочка?

Слово «хрень», которое уже два раза вылетело из его рта, было произнесено с интонацией, точно принадлежащей взрослому человеку. Нет, он произнес его звонче любого взрослого. Я, несомненно, была в замешательстве, но при этом еще и ощутила отчаяние оттого, что наша первая встреча прошла совершенно не так, как я ее себе представляла.

Я вновь потеряла дар речи и застыла как вкопанная. До

тех пор, пока не дернулась, когда мальчик резко вскочил на ноги. Взглянув на мою реакцию, он с усмешкой заметил:

– Если после смерти попадают в столь прекрасное место, то почему ж вы все из кожи вон лезете, чтобы не умереть?

Мальчик поймал мой взгляд. Чернее глаз у ребенка я за всю жизнь не видела. Во время этого зрительного контакта нас обоих охватило странное напряжение. В его непоколебимом взгляде читалась жажда узнать ответ. Сначала я решила как-нибудь увильнуть от разговора, но потом подумала, что если отвечу не так, то еще больше увязну в этой трясине, поэтому просто молча покачала головой.

Хёгу задумчиво хмыкнул под стать философу и отвернулся, как отворачиваются кошки, потеряв к тебе интерес. Я с облегчением выдохнула. Мальчик вприпрыжку понесся к входной двери, но резко остановился и, не оборачиваясь, произнес:

– А, кстати. Мне теперь это печенье не нужно. Забирай все.

Поведение этого ребенка вводило в ступор. То ли он был из тех, кого обычно называют «цундэрэ»⁵, то ли попросту бесстыжим грубияном, но вел себя совершенно не так, как другие восьмилетние дети: что творится у него в голове, было абсолютно невозможно понять.

Мальчик бросил эти слова и убежал к двери, так и не до-

⁵ *Цундэрэ* – японский термин, характеризующий людей, которые прячут симпатию к другому человеку за внешней грубостью и холодностью.

ждавшись моего ответа. И в этом удаляющемся силуэте, очевидно, можно было разглядеть ребенка. Что ж, дети есть дети. Хоть у них и разный цвет кожи, но Лиам со спины выглядел точно так же. Глядя на это, я почему-то даже немного расслабилась и протяжно вздохнула.

Проследив за тем, как Хёгу входит в дом, я наткнулась глазами на стоящего у двери человека. Это была госпожа Чин Игён. Свободная голубая кофта тихонько мерцала на солнце, столь же свободные спортивные штаны серого цвета мягко колыхались на ветру, описывая дугу. Волосы ее были небрежно собраны сзади в тугий хвост. Она стояла, скрестив руки и облокотившись плечом о дверной косяк, вооружившись едва заметной улыбкой, – во всем ее естестве ощущалась безмятежность. Ровная бронзовая кожа, пухлые подвижные губы, угловатый, как у иностранки, подбородок. Хозяйка была выше меня на десять сантиметров, то есть довольно высокой для женщины, и одежда отлично сидела на ее подтянутой фигуре – она была даже похожа на тренера по йоге или пилатесу.

Я неловко взглянула на нее и низко склонила голову – женщина ответила на приветствие легким кивком и мягкой улыбкой. Она выглядела в нереальной степени изящно, как актриса в главной роли, сошедшая с экрана.

– Эх, так вы уже познакомились. А жаль. Я ведь сама хотела вас друг другу представить.

Чин Игён отодвинулась в сторону и мягко вытянула ру-

ку, указывая внутрь. Ее движения были естественны, как в неспешной сцене какого-нибудь классического фильма. Она пригласила меня внутрь, не сказав ни слова, лишь взглядом, лишь жестом, и в этих абсолютно не наигранных, плавных, сдержанных движениях проглядывала заложенная в ней природой утонченность. Все это было достойно чужих взоров и восхищений. «Интересно, смогу ли я так однажды?» – подумалось мне, но, даже если бы и смогла, наверняка стала бы тем еще посмешищем.

При входе стройным рядком стояли домашние тапочки, на вид более дорогие и качественные, чем моя обувь. Естественно, еще и более приятные и мягкие на ощупь. Едва моя нога ступила на поверхность пола – который, к слову, был из неизвестного мне материала, непохожего, по ощущениям, ни на мрамор, ни на дерево, – я будто бы оказалась в ином мире.

Сразу же перед глазами предстал длинный узкий тоннель. Он был низким, к тому же огражденным с четырех сторон, как подземный торговый центр, отчего высоким людям приходилось нагибаться, чтобы войти внутрь. Таков был этот дом. Для любой мелочи здесь находилась своя незаурядная причина. Пройдя около десяти метров в замкнутом пространстве, я почувствовала, что начинаю задыхаться, но стоило мне дойти до конца, как духота сменилась глубочайшим потрясением.

Меня озарило светом. Тоннель вел к просторному поме-

щению, сильно напоминающему вестибюль в каком-нибудь высотном здании. Толстые стены из стекла блокировали солнечный свет, но внутри было светлее, чем на улице, благодаря плоским флуоресцентным лампам, что заняли всю стену и освещали пространство на высоту четырех-пяти этажей.

Если стоять спиной к тоннелю, из которого я только что вышла, по правую сторону от него можно было увидеть кухню, над самым же тоннелем лесенкой располагалось несколько этажей жилых помещений. По второму, третьему и четвертому этажам тянулось стеклянное ограждение, как в каком-нибудь отеле или гостиничном комплексе, а высота этажей при этом казалась в полтора раза больше, чем в обычных домах. Таким образом, дом делился на две части: одну половину занимало огромное помещение внизу, а вторую – жилая площадь наверху.

– Тебе не кажется, что пространство здесь тратится впустую? – поинтересовалась хозяйка, словно прочитав мои мысли.

Высказать свое мнение ей в лицо я не могла, поэтому пришлось выдавить смущенную улыбку.

– Но все здесь не то, чем кажется на первый взгляд. Устройство этого дома хранит свои секреты.

Я снова промолчала, вместо слов похлопав глазами.

– Например, ежедневная уборка здесь ни к чему.

В сомнениях я еще раз огляделась вокруг: как ни посмотри, а автоматической очисткой здесь не пахло. Наоборот, все

выглядело так, будто уборка здесь вообще не имела значения.

– Ой, ничего ведь, что я без всяких формальностей к тебе обращаюсь? А то в прошлый раз я, видимо, воспользовалась твоей растерянностью и слишком поторопилась.

Я согласно кивнула. Хозяйка продолжила рассказ с легкой улыбкой. Если вкратце, уникальность этого дома связана с особой системой вентиляции, которая не позволяет пыли скапливаться на поверхности. Если уборка все-таки требовалась, тогда вызывали людей из клининговой компании. Помимо всего прочего, эффективность системы выражалась и в отсутствии внешнего шума. Эта вентиляция была спроектирована таким образом, чтобы создать абсолютную звукоизоляцию: никакие звуки не проникали снаружи и не выходили за пределы дома. И ведь правда, оказавшись внутри, то есть с того момента, как закрылась дверь, я не слышала никаких повседневных звуков, не почувствовала даже дуновения воздуха по коже.

– Я впервые вижу нечто подобное... Мы как будто бы в другом измерении.

Когда я выразила словами свои ощущения, крутившиеся у меня в голове, госпожа довольно вздернула брови и кивнула. Тут же со стороны стеклянной стены весьма кстати раздались жужжание и вибрация. Пространство между полом и стенами слегка приоткрылось, и бледные лучи солнца проникли внутрь. Так вот что она имела в виду – я наблюдала за

происходящим с раскрытым ртом, впечатлившись этой сценой не меньше, чем видом дома. Возможно, на меня так повлиял рассказ, но поток воздуха, пробежавший по ногам, отчего-то показался мне прохладным.

Вдруг мне в глаза бросилось темное граффити на дальней стене. Как зачарованная, я медленно приблизилась: то, что издалика казалось граффити, вблизи все больше приобретало очертания картин.

Из-за огромных размеров гостиной добралась я до них не сразу. Три рамки, расположенные чуть выше моей головы, обрамляли похожие на скетчи изображения частей тела: человеческие руки, ноги, торс и лица хаотично переплетались друг с другом. Белого цвета на бумаге было заметно меньше, словно рисунок изначально выполнили черным, а потом по нему сверху прошли ластиком. Белки глаз при этом были кристально-белыми, отчего создавался эффект, будто пустыми на бумаге были сами зрачки. Казалось, эти глаза смотрят на меня и одновременно не смотрят на меня совсем.

Черно-белая светотень на картинах странным образом гармонировала с самим домом. Издалика эти бесцветные картины в тонких черных рамках без всякого узора можно было легко принять за граффити или трещины в этой черной стеклянной стене. Три рисунка были очень похожи и вместе с тем никак не вязались друг с другом.

Очувтившаяся рядом хозяйка кивнула подбородком в сторону изображений и спросила:

– Что думаешь? О картинах.

Вопрос столь же непостижимый, как и сами картины.

– Я совершенно не разбираюсь в живописи. . .

Я решила, что лучше быть честной, чем промямлить какую-нибудь дурость. Чин Игён в ответ одарила меня улыбкой.

– Ой, да кто вообще разбирается? Не переживай, просто попробуй описать свои впечатления. Что угодно подойдет. А на кого ты, говоришь, учишься?

– По поводу специальности, ну. . . У меня свободное обучение. . .⁶

Я произвольно замялась, ведь пробыла в университете так мало времени, что об этом даже заговаривать стыдно было. Не дождавшись от меня полного ответа, госпожа ненадолго задумалась, а потом широко раскрыла глаза.

– А, выходит, ты специальность будешь позже выбирать? Нынче и такое бывает, надо же, – со смехом заметила она, а затем спросила: – Ты уже решила, чем хочешь заниматься?

Не то чтобы за прошедшие два года я об этом не думала. Первым делом, конечно, нужно беспокоиться о том, смогу ли я вообще вернуться к учебе, но мысли всегда текли в одном направлении.

– Наверное, юриспруденцией.

⁶ Система обучения, при которой первокурсникам дается некоторое время (например, семестр или учебный год), чтобы определиться с подходящим им направлением. В этот период они слушают общие курсы из различных областей знаний.

Хозяйка задумчиво промычала и с нажимом произнесла:
– Есть какая-то особая причина?

Опять же, не то чтобы я об этом не думала. Просто чтобы вывалить столько информации зараз, мне нужно было подготовиться.

– Я хочу помогать жертвам, – выпалила я, зажмурившись, а потому не смогла даже разглядеть реакцию хозяйки.

Сколько же искренности в этом ответе?

Втянув воздух, Чин Игён, как и я до этого, ненадолго погрузилась в молчание, а затем кивнула:

– Какая жалость.

Несколько секунд я невольно таращилась на нее. Ее строгий и глубокий взгляд тоже сосредоточился прямо на мне.

– Просто ты говоришь, что делаешь это не ради себя самой... Даже обидно в каком-то смысле. – На последних словах ее губы тронула улыбка.

Это заставило меня задуматься о том, какое же решение было бы *ради меня*. Пускай я и знаю ответ, но так ли просто сделать выбор? Для меня подобные сомнения сродни туману в голове.

Хозяйка, что все это время пристально наблюдала за мной, продолжила свою мысль:

– Видимо, с тобой действительно что-то произошло?..

Казалось, эта женщина постоянно проникает в разум собеседника. Может, все дело в проницательности, что обычно присуща успешным людям, но я была так поражена, что еще

долго стояла с открытым ртом.

– Боже, ха-ха-ха. Я, видимо, сболтнула лишнего. Все дело в том, что я старше.

Я резко осознала, как выгляжу со стороны, и поспешила закрыть рот. Мне показалось, что нужно что-то сказать в ответ.

– Да нет, что вы. Просто меня поразил ваш дом, мадам, и я, сама того не понимая...

– Ой, да что ты, какая «мадам»! Ты и в прошлый раз со мной себя так вела. Мне же не так много лет еще!

Если честно, я не очень понимала, как мне следует ее называть. Мне уже было слегка за двадцать, и я считала, что вполне справедливо могла называть себя взрослой, но я все так же плохо определяла, какое обращение было бы уместно использовать по отношению к собеседнику. От моей некоммуникабельности волна жара поднялась по затылку прямо к ушам. Может, надо было обращаться к ней «ваша светлость»? С другой стороны, если называть ее «директором», то не отличишь ее статуса от мужниного... В один миг беспокойство снова захлестнуло меня.

– Просто зови меня по имени, что уж... Или нет? Нельзя? Слышала, знаменитости обычно так и поступают с людьми возраста их собственных детей...

Действительно, судя по ее голосу, характеру, внешности и даже навыкам беседы, она была из тех, к кому обращение по имени не воспринималось бы как нечто неуместное. По-

ка я колебалась, хозяйка снова одарила меня яркой улыбкой – она отлично сочеталась с просторным помещением за ее спиной. Верно. Пускай этот дом и выглядел сдержанно, но все же здесь царила безмятежность. В такой дом не врываются в погоне за чем-то или будучи объектом преследования – сюда приходят, чтобы скрасить существование.

– А, точно, мы же обсуждали картины! Это... – Хозяйка посмеялась. – Это работы художника Со Хёгу.

Со Хёгу? Со Хёгу... Я несколько раз повторила это имя про себя, и тут до меня дошло: так же зовут мальчика, что здесь живет! У меня даже вырвалось неловкое «Что-о-о?», настолько это открытие шокировало меня.

Услышав комментарий хозяйки, я снова взглянула на картины: сама не знаю почему, но вместо восхищения я почувствовала неприятную дрожь.

* * *

Кухня располагалась по левую сторону от тоннеля – стоило всего лишь его обогнуть, передо мной развернулось обширное пространство, напоминающее приватный зал в каком-нибудь большом ресторане.

Шкафы для хранения, раковина, обеденный стол и даже стулья простого дизайна, без всякого узора, с четко очерченными углами. На кулере, холодильнике, микроволновке и посудомоечной машине не было ни единого логотипа произ-

водителя. Каждая вещь здесь отличалась простотой и опрятностью.

В ящиках лежали только стаканы из неизвестного материала и крепкие на вид тарелки размером с пиццу – никаких привычных ложек, палочек или вилок. Ни так называемой кухонной утвари, то есть ножей, разделочных досок и сковородок, ни базовых приправ вроде сахара, соевого соуса, соли, красного или черного перца здесь тоже не наблюдалось. Едва я подумала, что здесь готовить не получится...

– Знаешь, насколько я не люблю готовить дома? Тяжело, напряжно. Более того – жалко своего времени и усилий, потраченных лишь на то, чтобы что-то съесть, – сказала хозяйка, глядя мне прямо в глаза. По ее лицу было видно, что она снова прочитала мои мысли, как какой-нибудь призрак.

Не успела я опомниться, как уже согласно закивала и, решив, что следует подтвердить свое согласие еще и словами, заявила:

– Я тоже так считаю.

Внутри холодильник выглядел так же неординарно, как и снаружи. То, что можно было назвать едой, хранилось в особых контейнерах, которые я ни разу в жизни не видела, притом на вид это были не блюда как таковые, а отдельные ингредиенты или даже точнее – сгустки питательных веществ. Хозяйка объяснила, что эти контейнеры даже не нужно открывать: достаточно погреть в микроволновке, и они откроются автоматически, когда придет время. К тому же

они были сделаны из нового экоматериала, благодаря которому можно выкидывать их вместе с обычным мусором – разлагаются сами. Внутри лежали вилки, ложки и палочки из того же материала. Поначалу супруги периодически заказывали закуски на дом у одной компании, а в конце концов завладели ей сами и начали развивать ее с помощью исследований и инвестиций. Хозяйка также прибавила, что в этом заключается будущее домашней еды. В холодильнике в рядок стояла не только обычная минеральная вода, но и протеиновые коктейли, а также напитки с добавлением неведомых мне витаминов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.